

политика

¹ В статье использованы результаты исследования Malashenko, Nisnevich and Ryabov 2017.

А.В.Малашенко, Ю.А.Нисневич, А.В.Рябов СОВРЕМЕННОЕ ВАРВАРСТВО: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ¹

Алексей Всеволодович Малашенко — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Исследовательского института «Диалог цивилизаций» (Берлин, Германия). Для связи с автором: AMalashenko@doc-research.org.

Юлий Анатольевич Нисневич — доктор политических наук, профессор департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: jnisnevich@hse.ru.

Андрей Виленович Рябов — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Для связи с автором: andreyn@imemo.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу явления, которое принято обозначать понятием «варварство» и которое и сегодня не ушло из общественной и политической практики. В центре внимания авторов находится так называемое «вертикальное варварство». В отличие от варварства «горизонтального», известного еще с древнейших времен, варварство этого типа ассоциируется не с прямым столкновением народов, а со сложными социальными процессами, в первую очередь с мощной вертикальной мобильностью и резким расширением доступа широких общественных слоев к достижениям цивилизации.

Как полагают авторы, зарождение «вертикального варварства» связано с феноменом, описанным испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом как «восстание масс». Речь идет об одном из важнейших социальных и культурных сдвигов в истории человечества, когда вследствие развития демократии и индустриальных технологий было создано новое пространство для существования людей, выведшее на авансцену общественной и политической жизни «человека массы». В результате «восстания масс» в первой половине XX в. по Европе прокатилась волна «вертикального варварства», приведшая к установлению в ряде европейских стран фашистских, нацистских и правых авторитарных режимов. После окончания Второй мировой войны произошел откат первой волны «вертикального варварства», и началось формирование общества потребления, в котором «массовый человек» из агрессивного субъекта политики превратился в относительно пассивный ее объект.

Наблюдаемая в последние годы политическая активизация «массового человека» интерпретируется авторами как новая волна «вертикального варварства». За этой новой волной, по их мнению, стоит страх и раздражение «массового человека», не сумевшего приспособиться к резкому расширению пространства своей жизни и качественному изменению социальной сферы, вызванным развитием демократии и технологической революцией конца XX — начала XXI в. Ситуацию усугубляет отсутствие должного внимания к происходящим сдвигам со стороны политических сил и структур, порождающее у «массового человека» ощущение «покинутости» властью и государством, что побуждает его восставать против сложившегося порядка, бросая вызов современной цивилизации.

Ключевые слова: варварство, цивилизация, восстание масс, вертикальное вторжение варваров, массовый человек

Введение

В современную эпоху, когда человеческие возможности существенно расширились по сравнению со всей предыдущей историей человечества, тема варварства по-прежнему остается частью политической повестки, символизируя собой противоположность достижениям цивилизации. О варварстве говорят при освещении межэтнических и межрелигиозных конфликтов; термином «варварство» обозначают разрушение памятников истории и культуры. Рассуждения о варварстве звучат и в другом контексте — в нем видят побочный продукт современной цивилизации, выражающийся в примитивизации культуры, в распространении на уровне массового сознания упрощенных взглядов на мир.

Присутствие темы варварства в современной повестке дня обуславливает научную актуальность всестороннего анализа данного явления. Его изучением активно занимаются социологи, психологи и этнологи, стремясь объяснить его социальные корни в современную эпоху, глубже понять природу этнических и религиозных конфликтов, психологию террористов.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать варварство как социально-культурный и политический феномен, который по-разному проявляется в различные эпохи, в разных регионах и цивилизациях. Методологической основой исследования служит исторический подход. Предметом нашего внимания выступает прежде всего так называемое «вертикальное варварство». В отличие от варварства «горизонтального», известного еще с древнейших времен, варварство этого типа ассоциируется не с прямым столкновением этносов или конфессий, а со сложными социальными процессами, в первую очередь с мощной вертикальной мобильностью и резким расширением доступа широких общественных слоев к достижениям цивилизации.

В своем исследовании мы не рассматриваем варварство как некое зло, которое противостоит поступательному движению человечества. Подобная трактовка порождает иллюзию, будто варварство легко

устранимо — достаточно принять правильное решение и проявить политическую волю. По нашему убеждению, варварство, будь то «горизонтальное» или «вертикальное», неотделимо от развития цивилизации и в большинстве случаев не связано с действиями тех или иных «реакционных сил». Общественный прогресс, сокращая пространство для одних проявлений варварства, создает условия для его возникновения в других сферах. Поэтому главная исследовательская задача состоит в том, чтобы проследить причины и механизмы массовых всплесков варварства и выявить факторы, способствующие его угасанию. Борьба за ослабление варварства и его маргинализацию требует сложной и многоплановой работы, основанной на глубоком понимании закономерностей эволюции варварства и не терпящей простых решений.

**«Горизонтальное»
и «вертикальное»
варварство:
к определению
понятий**

В современном политическом языке словом «варварство» обычно обозначают целенаправленное разрушение цивилизации и культуры. В «горизонтальной» своей ипостаси соответствующее явление возникло еще в Древнем мире, когда находившиеся на более низкой ступени развития племена кочевников в ходе разорительных нашествий уничтожали первые в истории человечества государства и созданные ими цивилизации. Позднее, начиная со Средних веков, границы горизонтального варварства как исторического феномена расширились, и оно стало проявляться не только как разрушение высшего низшим, но и наоборот.

Так, испанские конкистадоры, представлявшие более развитую в техническом плане европейскую цивилизацию, стерли с лица земли империи ацтеков и инков с их уникальной культурой. Серьезный урон оригинальным культурам многих народов Азии и Африки был нанесен европейскими державами в эпоху колониальных захватов XVII—XIX вв. А в XX столетии передовая в технико-технологическом отношении нацистская Германия варварски уничтожала достижения культуры захваченных ею стран. Таким образом, феномен «горизонтального варварства» есть результат конфликта между странами, народами, цивилизациями, находящимися на разных ступенях развития.

Сразу же оговорим, что понятие «варварство» употребляется в данной работе в деидеологизированном, академическом смысле, а соответствующий феномен рассматривается как одна из объективных тенденций мирового развития. Наша цель заключается не в критике варварства, а в выявлении его места и форм на разных исторических этапах, что, по выражению Эдварда Саида, требует «разграничения между чистым и политическим знанием» (*pure and political knowledge*)². При таком подходе поведение отдельного варвара-индивида может выглядеть абсолютно нравственным или, во всяком случае, естественным, ибо отвечает нормам, принятым в его обществе и, шире, цивилизации. Будучи вписан в контекст своей исторической

² *Said 1978: 9.*

эпохи, вполне «хорошим человеком» оказывается и дикий кочевник, и испанский конкистадор, и даже каннибал. Применительно к XX—XXI вв. картина усложняется. Современный варвар действует вразрез с удивившимися в мире нормами и ценностями, и его поведение вроде бы противоречит доминирующим в обществе взглядам. Однако технологический прогресс и постоянное усложнение цивилизации ведут не к вытеснению варварства с исторической сцены, а к его воспроизводству и модификации.

Зарождение нового типа варварства датируется первыми десятилетиями XX в. Именно тогда происходит один из важнейших социальных и культурных сдвигов в истории человечества. Все существовавшие ранее общества, их политика, экономика, культура были настроены на реализацию интересов правящих меньшинств. В первой трети XX в. возникает массовое общество, в котором широкие незлитные слои населения благодаря распространению всеобщего избирательного права получают возможность постоянного участия в политике. Эти же слои становятся и главными потребителями материальных благ. Экономика перестраивается на удовлетворение массового спроса. Аналогичный поворот начинается и в культуре: возникает феномен массовой культуры, ориентирующейся на запросы «простых людей».

Упомянутые выше процессы знаменовали собой прорыв масс в число политических, социальных, экономических и культурных акторов, непосредственно влияющих на развитие человеческой цивилизации. Характеризуя сложившуюся в результате ситуацию, обозначенную испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом как «восстание масс»³, немецкий политик и предприниматель Вальтер Ратенау использовал термин «вертикальное вторжение варваров» («вертикальное варварство»)⁴. По сути дела речь шла о захвате мировой цивилизации, уже ставшей к тому времени индустриальной, «новыми варварами», пришедшими не извне, а изнутри развитого общества.

Что же побудило политических и социальных мыслителей квалифицировать возвышение масс как «вертикальное варварство»?

Как писал Ортега-и-Гассет, благодаря «либеральной демократии, экспериментальной науке и промышленности», создавшим «новое сценическое пространство для существования человека», из социальных глубин поднялся на поверхность и вышел на авансцену общественной и политической жизни особый тип человека — «человек массы»⁵, который «верит, что существует только он, и привыкает ни с кем не считаться, а главное — никого не считать лучше себя»⁶. «Человек массы» желает здесь и сейчас получить все материальные блага цивилизации, но при этом, как «истинный варвар», не приемлет ее основ, враждебен к носителям ее ценностей и культурных кодов. Он отрицает сам фундамент цивилизации, базирующийся на опыте «обуздания силы, сведения ее роли к ultima ratio»⁷. Ибо главное для него — это навязать всем свою волю, «право на произвол». «Человек массы» самодостаточен, он полностью

³ Ортега-и-Гассет 2003.

⁴ Там же: 52.

⁵ Там же: 55.

⁶ Там же: 57.

⁷ Там же: 72.

уверен в своей правоте и, следовательно, готов оправдать любые свои действия и поступки.

Здесь испанский философ четко улавливает природу «вертикального варварства». Оно имеет два измерения. Первое из них — социально-культурное. «Вертикальное варварство» возникает в условиях, когда стремительный прогресс техники и технологий вступает в противоречие с гораздо более медленным изменением человеческой природы и общества *per se*. Другими словами, в основе «вертикального варварства» лежит разрыв между цивилизацией и культурой. Проблема в том, что, будучи творением человека, цивилизация носит искусственный характер и требует постоянного поддержания. Культура же, если следовать определению российского ученого Сергея Алексеева, представляет собой «объективированное выражение и аккумулятор творчества человечества, его материального и духовного богатства, накапливаемых обществом социальных ценностей»⁸. Иначе говоря, культура — это своеобразный накопитель, вбирающий в себя духовное наследие и ценности, вырабатываемые различными цивилизациями. Культура массы, как показывает исторический опыт, как минимум не восприимчива ко всему сложному и искусственному.

⁸ Алексеев 2000: 19—20.

Разрыв между цивилизацией и культурой становится еще более ощутимым с формированием во второй половине XX в. в развитых странах общества потребления. Общество, в котором смыслом и целью жизни миллионов становятся потребление и развлечения, начинает утрачивать способность к саморефлексии, сопереживанию, самопожертвованию, риску, благородным поступкам, то есть теряет те качества, развитие которых и помогло человечеству как виду выделиться из царства природы и создать свою цивилизацию. В этих условиях «вертикальное варварство» приобретает широкое, даже планетарное распространение.

Второе измерение «вертикального варварства» — политическое. Масштабный исторический переход к массовому обществу стал возможен в эпоху зрелого промышленного капитализма. Однако существовавшая в первой трети XX в. модель капитализма оказалась не в состоянии удовлетворить выросшие запросы массовых слоев. Созданная буржуазией и для буржуазии⁹, она в принципе не предполагала учет их интересов, оставаясь чуждой для большей части населения. И поскольку в наиболее развитых странах эта модель в политическом плане строилась на принципах состязательности, свободы и разделения властей, переход от капитализма для меньшинства к массовому обществу нередко сопровождался и отвержением этих принципов. Массы мечтали о целостной, неразделенной власти, которая без промедления и без оглядки на законы и сложные правовые процедуры обеспечит «справедливое» распределение общественных благ.

⁹ Хобсбаум 1999: 12.

**Первая волна
«вертикального
вторжения
варваров»
и ее откат**

В условиях капитализма первой половины XX в., когда наиболее прогрессивной формой хозяйственной деятельности было крупное фабричное производство, широкую популярность обрели социальные проекты, базирующиеся на идее «государства-фабрики», которое благодаря централизации управления якобы способно гарантировать справедливое распределение материальных и культурных благ в обществе. Проводниками подобных этатистских проектов в основном выступали социал-демократические и социалистические партии.

Запрос на такого рода проекты заметно усилился во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Повышение роли государства создавало возможности для расширения присутствия масс в политике, экономике и культуре, открывая для них новые социальные лифты. Государство и его аппарат быстро росли и, апеллируя за поддержкой к массам, вбирали в себя все новых и новых выходцев из непривилегированных слоев.

Утверждение в политической практике этатистских проектов с их упором на централизацию управления нередко сопровождалось отказом от либеральной демократии как неспособной примирить и сбалансировать конфликтующие классовые интересы. Но даже там, где система либеральной демократии не ставилась под сомнение, как, например, в США, роль государства в экономике, политике и социальной жизни заметно возросла (что вызвало резкую критику со стороны приверженцев классического либерализма¹⁰).

В Европе этатистские модели оказались востребованы прежде всего в тех странах, где кризис чувствовался особенно остро, демократические традиции были слабыми, а институты демократии (если таковые имелись) — неэффективными. Именно там «восстание масс» обернулось установлением фашистских, нацистских и правых авторитарных режимов (Италия, Германия, Испания, Португалия, Венгрия, Хорватия, Словакия). Откровенное противопоставление традиционному европейскому либерализму XIX — начала XX в., к которому активно прибегали в своей практике правые авторитарные и тоталитарные режимы, по-видимому, и убедило Ортегу-и-Гассета в том, что фашизм — это «типичная доктрина массового человека»¹¹.

Другой альтернативой «неэффективному» либерально-демократическому капитализму начала XX в. стал советский коммунизм. В условиях несовершенства демократических институтов и механизмов распределения материальных и культурных благ жестко этатистская коммунистическая модель была воспринята многими как наиболее действенный инструмент установления справедливого социального порядка. Коммунистический проект пользовался немалой популярностью в мире, однако до Второй мировой войны он получил практическое воплощение только в Советском Союзе. В своей зрелой фазе, известной как сталинизм, этот проект открыл путь вверх по ступеням социальной лестницы миллионам рабочих и крестьян. Ради обещанного благополучия массы легко пожертвовали элементарными

¹⁰ О критике новой роли государства с либеральных позиций см. Мизес 2006.

¹¹ Ортега-и-Гассет 2003: 114.

правами и свободами, обеспечив широкую поддержку сталинскому режиму. Оказались близки им и присущие этому режиму сверхцентрализация и тотальный контроль над обществом, позволившие ему создать справедливую (в глазах масс) систему уравнительного распределения. В своем противостоянии культурным новациям, в выборочном и утилитарном отношении к культурному наследию как к инструменту решения политических задач, в категорическом неприятии свободы личности, прав человека, индивидуализма, отрицании многих нравственных норм, выработанных многовековой историей человечества, сталинизм также транслировал установки «массового человека».

Но сталинизм не просто опирался на «массового человека». По сути дела он сам целенаправленно формировал особую его разновидность, получившую «кодово-песенное наименование „советского простого человека“»¹². В этом политическом анклав феномен «восстания масс» (в специфической форме «восстания советских масс»¹³) проявился значительно позже, только после крушения коммунистического режима и распада СССР.

Все тоталитарные режимы не только проповедовали необходимость укрепления и усиления государства, но и в своей политической практике следовали этатистской доктрине, нашедшей выражение в известной формуле итальянского диктатора Бенито Муссолини: «Всё внутри государства, ничего вне государства, ничего против государства (Tutto nello Stato, niente al di fuori dello Stato, nulla contro lo Stato)»¹⁴. Следствием таких установок и практик стали миллионы человеческих жизней, принесенных в жертву молоху тоталитарных идеологий.

Таким образом, история первой половины XX в. позволяет зафиксировать важную особенность «вертикального варварства», без учета которой мы едва ли сможем понять причины, обусловившие его новый взлет уже в наше время. «Вертикальное варварство» возникает на переломе эпох как реакция на глубокий системный кризис существовавшей тогда модели капитализма. Зародившийся в ее недрах «массовый человек», к началу XX в. уже ставший влиятельным социальным и политическим актором, почувствовал себя несправедливо обойденным в плане доступа к благам цивилизации и потому «восстал». Это «восстание» обернулось для человечества неисчислимыми потерями.

Утверждение в результате успешного «восстания масс» этатистских (авторитарных и тоталитарных) моделей не привело, однако, к политическому господству большинства. В государствах с этатистскими режимами власть очень скоро монополизировали новые меньшинства, которые к тому же оказались абсолютно неподконтрольными массам, хотя и говорили от их имени. Иными словами, «массовый человек» принял активное участие в формировании новых правящих меньшинств, их культурных ориентиров и стереотипов сознания, но не получил политической власти. Вместе с тем «массовый человек» добился определенного улучшения своего социального положения (в случае с Советским Союзом это стало ощущаться лишь в 1950-е годы), а его

¹² Левада, Ноткина 1989.

¹³ Нисневич 2018.

¹⁴ http://www.mussolinibenito.it/discorsodel28_10_1925.htm (accessed 8.02.2018).

культурные (в том числе бытовые, которые тоже можно отнести к разряду культурных) потребности были возведены в ранг общенациональных.

Изменение в первой половине XX в. состава элит и формирование во многих государствах новых правящих меньшинств обнажили важную проблему, связанную с понятием ответственности. Вся история человечества с древнейших времен показывает, что целенаправленно поддерживать цивилизацию способны лишь ответственные меньшинства. Однако новые меньшинства, которые пришли к власти в результате «восстания масс», будучи выходцами из их среды, не смогли и не захотели стать ответственными. Причина такого развития событий, по-видимому, состоит в том, что эти меньшинства не были хранителями и трансляторами культуры, более того, их возвышение в значительной мере шло под флагом разрыва с культурой, накопленной человечеством.

История первой половины XX в. отчетливо продемонстрировала, что этатистские системы не в состоянии создать не только «ответственное меньшинство», но и «ответственное большинство» (как, например, в СССР).

После окончания Второй мировой войны в европейских государствах начался откат первой волны «вертикального варварства», так как даже не лишеному здравого смысла (особенно когда дело касается его личных интересов) «массовому человеку» было понятно, что для послевоенного восстановления необходимы «избранные меньшинства», что только хранители и трансляторы культуры способны эффективно и в короткие сроки решить эту задачу.

В свою очередь, политики начали внимательнее относиться к массам, дабы не спровоцировать их на новое «варварское вторжение». Доминирующей стала концепция государства всеобщего благоденствия (Welfare State), то есть системы, при которой государство принимает на себя ответственность за благосостояние всех своих граждан, обеспечивая выплату пенсий, бесплатную медицинскую помощь и другие виды социальной поддержки. Повышение уровня материального благосостояния, возросшая эффективность представительства социальных интересов и защиты социальных прав граждан создали условия для общественно-политической стабилизации. Социальная активность «массового человека» сместилась из пространства политики в сферу повседневной жизни. Началось формирование общества потребления¹⁵, в котором «массовый человек» из агрессивного субъекта политики превратился в относительно пассивный ее объект в формате потребителя материальных благ с гедонистическим мировоззрением и моралью.

По-иному складывалась ситуация в тех государствах Европы и Латинской Америки, где сохранились правые авторитарные и тоталитарные режимы, а также в странах, где утвердилась советская модель. Всем им были присущи общие черты, привнесенные в политику победившим «массовым человеком», — стремление поддерживать население в состоянии постоянной мобилизации, агрессивность и нетерпимость к иным идеям и культурам и их носителям.

¹⁵ Бодрийяр 2006.

В эпоху, последовавшую за окончанием Второй мировой войны, стало очевидно, что этатистские режимы проигрывают либерально-демократическим даже в ключевом для них вопросе — удовлетворении материальных и социальных потребностей масс. И к концу 1970-х годов на Западе последние этатистские режимы сошли с исторической сцены.

Становление в развитых индустриальных странах демократии в современном ее виде и формирование общества потребления, по сути, означали достижение целей «восстания масс». Материальное благополучие большинства населения и эффективная система представительства социальных интересов обеспечили общественно-политическую стабильность.

В новой системе координат «массовый человек» успокоился, у него исчезли поводы быть недовольным существующим порядком, что, казалось бы, должно было создать почву для постепенного преодоления варварства. И действительно, складывалось впечатление, что «человек масс» перестал быть варваром, превратившись в добродушного, неагрессивного, толерантного (и самодовольного) бюргера. Но у общества потребления была и другая сторона — бегство от реальных проблем, локализация их в информационном пространстве, создаваемом телевидением¹⁶. Трансформация общества потребления в «общество развлечения», обусловленная развитием индустрии массового туризма и гламура и особенно начавшейся в 1990-е годы «цифровой революцией» с порожденным ею «царством гаджетов», лишь усугубила ситуацию. Главной ценностью «общества развлечения» является смена впечатлений, что дает дополнительный импульс замене реальных проблем их медийными суррогатами и символическим подобием. Востребованность научного знания падает, и оно все чаще уступает место легковесным интерпретациям сетевых СМИ, а то и откровенному шарлатанству. Иными словами, конфликт между цивилизацией и культурой не исчезает, а лишь меняет свои формы.

¹⁶ Там же: 17.

**Новая волна
«вертикального
варварства»
и ее истоки**

Сдвиги второй половины XX в. определялись не только качественным скачком в области потребления. Мощнейший импульс к расширению «сценического пространства для существования человека» дал так называемый постиндустриальный транзит, в ходе которого началось формирование принципиально новой технологической (в широком смысле) основы жизнедеятельности людей. Обозначив этот процесс как «третью волну», американский футуролог Элвин Тоффлер увидел в нем рождение новой цивилизации, сопряженное с революционными изменениями в техно-, инфо-, социо- и властной сфере¹⁷.

¹⁷ Тоффлер 2004: 26.

Помимо комплексного развития технологий, создания новой энергетики и новых материалов, использования открытого космоса и глубин океана, а также биотехнологий, включая генные, формирование новой техносферы базируется на революции в области информационно-коммуникационных технологий. Ключевым результатом этой

революции является качественное изменение информационной сферы, ее децентрализация, демассовизация и трансформация в глобальную сеть¹⁸. Данная среда не просто привносит в социальную систему «совершенно новый уровень коммуникации»¹⁹, но и становится «нервной системой» социума, в рамках которой каждый человек может выполнять функцию «нейрона», генерирующего и передающего информационно-коммуникационные импульсы.

¹⁸ Там же: 266.

¹⁹ Там же: 288.

Немассовый и сетевой характер постиндустриальной социосферы обусловлен тем, что любой человек, овладевший новыми технологиями, оказывается вполне автономным, даже независимым звеном в системе социальных коммуникаций, отдельным, самостоятельным источником, потребителем и распространителем информации и знаний. Более того, при достижении относительно высокого уровня культуры, включая правовую, политическую и гражданскую ответственность, он становится «базовой ячейкой» немассового «общества знания»²⁰, которое идет на смену массовому обществу потребления.

²⁰ Ефременко 2010.

Если в начале XX в. демократия и техника создали «новое сценическое пространство для существования человека», то в конце века началось интенсивное расширение этого пространства, причем не только за счет распространения и углубления демократии и революционного скачка в развитии технологий, но и благодаря такому феномену, как глобализация.

Изначально термин «глобализация» использовался для обозначения «новой реальности возрастающей глобальной взаимозависимости, движимой в основном новыми технологиями связи, когда национальные границы, оставаясь демаркационными линиями на карте, перестают быть реальным препятствием для свободной торговли и движения капитала»²¹. Однако со временем, во многом вследствие экспансии современной демократии, под глобализацией стали понимать «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни — от культурной до криминальной, от финансовой до духовной», и сегодня «концепция глобализации подразумевает, прежде всего и главным образом, преодоление социальной, политической и экономической активности пространственных границ — так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара»²².

²¹ Бжезинский 2006: 186.

²² Хелд и др. 2004: 3, 19.

Одно из важнейших следствий глобализации заключалось в том, что государство-нация, которое обеспечивало «массовому человеку» достаточно комфортное существование и к которому он привык апеллировать для удовлетворения своих потребностей, начало терять свою роль ключевой единицы миропорядка. Такое развитие событий предопределялось тем, что, как пишет Самуэль Хантингтон, «государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать поток денег, текущих в их страны и наружу, и сталкиваются со все большими трудностями в контроле потока идей, технологий,

товаров и людей. Короче говоря, государственные границы стали максимально прозрачны. Все эти изменения привели к тому, что многие стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства — „бильярдного шара“, общепризнанного как норма со времен Вестфальского мира 1648 г., и возникновения сложного, разнообразного и многоуровневого международного порядка, который сильно напоминает средневековый»²³.

²³ Хантингтон 2005: 37.

Но цивилизационный транзит, связанный с глобализацией, создал не только новые возможности развития и формирования постиндустриального общества, но и новые проблемы, способствовавшие очередному взлету «вертикального варварства».

Первая из таких проблем состоит в том, что глобализация разделила мир на тех, кто встроился в новый порядок с его динамикой и размытыми государственными границами, и тех, кто остался в пределах традиционных экономик и прежних социальных пространств. По справедливому замечанию британского социолога Зигмунта Баумана, «сегодняшняя жизнь строится вокруг глобального и местного, где глобальная свобода передвижения — это знак повышения социального статуса, взлета и успеха, а неподвижность источает отвратительный запах поражения, неудавшейся жизни, заброшенности. Понятия „глобальный“ и „местный“ все более приобретают характер противоположных ценностей»²⁴. Причем водораздел между «успешными» и «неудачниками» пролегает не только между государствами, но и внутри них, внутри социально-профессиональных групп, территориальных и этнических общностей. Это фундаментальное противоречие глобализации, по крайней мере ее нынешней модели, и порождает новую волну «вертикального варварства». Почувствовавшие себя обделенными социальные группы и индивиды требуют «своего места под солнцем». Привыкший к доступности благ современной цивилизации «массовый человек» рассматривает глобализацию как возвращение к временам, когда он находился на социальном дне. Но слишком быстрые перемены нередко пугают и тех, кто входит в число «успешных», и, движимые ностальгическими воспоминаниями, они тоже вносят свой вклад в наступление варварства.

²⁴ Бауман 2004: 170.

Другая причина новой волны «вертикального вторжения варваров» — кризис послевоенной модели социально-либерального капитализма и начавшийся еще в 1980-е годы демонтаж государства всеобщего благоденствия. Поскольку выяснилось, что характерный для данной системы упор на государственные услуги и государственное регулирование при решении общественных проблем влечет за собой «увеличение по нарастающей государственных расходов и численности государственного аппарата, вследствие чего государство становится все более дорогостоящим, громоздким и при этом все менее эффективным»²⁵, практически все развитые страны начали отказываться от Welfare State. Наиболее радикальные реформы государственного управления в рамках концепции New Public Management были осуществлены в таких

²⁵ Нисневич 2012: 161.

²⁶ Мэннинг
и Парисон 2003.

странах, как Австралия, Великобритания, Новая Зеландия и США²⁶. Все это сопровождалось (особенно в странах англосаксонской группы) заметным свертыванием столь комфортного для «массового человека» государственного патернализма в социально-экономической сфере.

²⁷ Ильченко
и Мартыанов
(ред.) 2015: 61—63.

Даже развитые страны оказались неспособны гарантировать «массовому человеку» стабильное будущее²⁷. Социальный разрыв между богатыми и остальной частью общества растет, средний класс, вопреки всем попыткам остановить этот процесс, размывается и сокращается количественно, предпринимателям все сложнее обеспечить устойчивую занятость. Институты демократии выхолащиваются: несмотря на регулярные смены правительств и нормально функционирующие демократические институты, политическая власть во все большей степени переходит под контроль корпоративных элит²⁸. «Массовый человек» общества потребления начинает терять то, что еще недавно считал неотъемлемой составляющей своего образа жизни. Его доступ к благам современной цивилизации сужается, возникает и обостряется ощущение им собственной неполноценности.

²⁸ Крауч 2010:
60—66.

Усилению у «массового человека» чувства дискомфорта способствует и вторжение в привычный для него мир различных проявлений инаковости, которую он агрессивно не приемлет. Наряду с растущей прозрачностью границ национальных государств, в основе данного процесса лежит повышение миграционной мобильности, что связано, с одной стороны, с развитием транспортных технологий, обеспечившим возможность быстрого и относительно беспрепятственного перемещения людей практически в любую точку планеты, а с другой — с либерализацией миграционной политики.

²⁹ Бжезинский
2006: 214.

Помимо всего прочего, «пограничная либерализация» объясняется новой демографической ситуацией, сложившейся в мире. Как отмечает Збигнев Бжезинский, «иммиграция является необходимостью для процветающих стран со стареющим населением, а эмиграция может выполнять роль клапана для регулирования поднимающегося демографического давления в более бедных и густонаселенных странах „третьего мира“»²⁹. В подобных условиях прогнозируемое Фрэнсисом Фукуямой разделение мира на Север, где в политике будут задавать тон женщины старшего возраста, и Юг, где движущей силой будут молодые сердитые мужчины, не выглядит чем-то невероятным³⁰.

³⁰ Фукуяма 2008: 95.

Результатом повышения миграционной мобильности стало появление практически во всех успешных странах расширяющихся этнических и религиозных диаспор. Этот процесс протекает отнюдь не мирно и сопряжен с возникновением в давно сложившихся социумах новых конфликтных зон, так или иначе ассоциирующихся с принципиально новым «вертикальным варварством».

Итак, обусловленные постиндустриальным цивилизационным транзитом трансформации порождают у «массового человека» ощущение обделенности и социального дискомфорта. Люди этого типа, особенно относящиеся к старшим возрастным группам, начинают проигрывать

в социальной конкуренции представителям «избранных меньшинств», ориентированным на личный успех и свободу, на то, чтобы не быть «такими, как все» (что органически не свойственно «массовому человеку»).

Таким образом, если в начале XX в. главным фактором, обусловившим «восстание масс», в том числе «вертикальное вторжение варваров» в политику, было само появление «нового сценического пространства для существования человека», то наблюдаемая в последние годы политическая активизация «массового человека», которая может интерпретироваться как новая волна «вертикального варварства», вызвана совершенно иными причинами. За этой новой волной стоит страх и раздражение «массового человека», не сумевшего приспособиться к резкому расширению «сценического пространства» своей жизни и качественному изменению социальной сферы, приобретающей немассовый и сетевой характер. То есть, если в первой половине XX в. речь шла о неожиданном овладении новыми возможностями и отношении к ним как к чему-то само собой разумеющемуся, то сейчас — о болезни переизбытка возможностей, страхе перед новым и боязни оказаться «на обочине», порождающей растущую нетерпимость.

Отметим, что даже в устойчивых демократических странах политические силы и структуры все еще не осознали важности ускорившихся трансформаций «сценического пространства для существования человека» и не предприняли шагов, направленных на адаптацию системы к изменившимся социальным условиям. Это привело к усилению у «массового человека» ощущения, что он несправедливо обделен вниманием, забыт властью и государством. И «массовый человек» восстал против сложившейся модели политического устройства в свойственной ему манере обиженного подростка.

Новая волна «вертикального вторжения варваров» в политику выносит на авансцену идеи, фигуры и группы консервативного толка, апеллирующие к прошлому. «Массовый человек» снова бросает вызов современной цивилизации с ее ценностями и установками. Именно это и обеспечило победу на президентских выборах в США Дональда Трампа, Brexit в Великобритании, взлет правого популизма в странах континентальной Европы, мощный подъем религиозного фундаментализма, прежде всего исламского, хотя и не только (здесь можно вспомнить фундаменталистский буддизм в Мьянме), а также политического антиглобализма.

Заключение

В современную эпоху наряду с традиционным («горизонтальным») варварством, предполагающим целенаправленное разрушение извне цивилизации и культуры, возникает и варварство нового типа — «вертикальное». «Вертикальное варварство», или «вертикальное вторжение варваров», — это выход из глубин общества и включение в число политических, социальных, экономических и культурных акторов, непосредственно влияющих на развитие человечества, «массового человека»,

который не приемлет основ цивилизации, враждебен к носителям ее ценностей и культурных кодов.

Отправной точкой «вертикального вторжения варваров» в первой половине XX в. послужило «восстание масс», связанное с появлением «нового сценического пространства для существования человека». Резкое расширение этого «пространства» в конце XX — начале XXI в. вкупе с качественным изменением структуры социума, вызвавшие у «массового человека» ощущение дискомфорта, раздражения и страха перед новыми реалиями, дали толчок новой волне «вертикального варварства». Отсутствие должного внимания к происходящим сдвигам со стороны политических сил и структур даже в наиболее развитых демократических странах придало этой волне дополнительный импульс.

Как представляется, в случае запаздывания политических систем в адаптации ко все более динамично меняющимся условиям существования человека «вертикальное вторжение варваров» может приобрести циклический характер, когда периоды затухания варварства будут сменяться новыми его всплесками.

Библиография

- Алексеев С.С. (2000) *Право на пороге нового тысячелетия*. М.: Статут.
- Бауман З. (2004) *Глобализация: Последствия для человека и общества*. М.: Весь мир.
- Бжезинский З. (2006) *Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения.
- Бодрийяр Ж. (2006) *Общество потребления: Его мифы и структуры*. М.: Культурная революция, Республика.
- Ефременко Д.В., ред. (2010) *Концепция «общества знания» в современной социальной теории*. М.: ИНИОН РАН. URL: http://inion.ru/files/File/Conceptiia_obshestva_znaniya_2010.pdf (проверено 12.02.2018).
- Ильченко М.С. и В.С.Мартыанов, ред. (2015) *Постфордизм: концепции, институты, практики*. М.: РОССПЭН.
- Крауч К. (2010) *Постдемократия*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Левада Ю.А. и Т.А.Ноткина. (1989) «Мера всех вещей» // Вишневский А.Г., ред. *В человеческом измерении: Выйти из королевства кривых зеркал*. М.: Прогресс: 11—24. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/levada89.htm> (проверено 8.02.2018).
- Мизес Л. (2006) *Бюрократия*. Челябинск: Социум.
- Мэннинг Н. и Н.Парисон (2003) *Реформа государственного управления: международный опыт*. М.: Весь мир.
- Нисневич Ю.А. (2012) *Государство XXI века: тенденции и проблемы развития*. М.: КНОРУС.
- Нисневич Ю.А. (2018) «Восстание советских масс: политико-антропологический анализ» // *Общественные науки и современность*, № 2: 87—101.
- Ортега-и-Гассет Х. (2003) *Восстание масс*. М.: АСТ.

- Тоффлер Э. (2004) *Третья волна*. М.: АСТ.
 Фукуяма Ф. (2008) *Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции*. М.: АСТ.
 Хантингтон С. (2005) *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
 Хелд Д., Д.Гольдблатт, Э.Макгрю и Д.Пerratон. (2004) *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура*. М.: Практикс.
 Хобсбаум Э. (1999) *Век империи: 1875—1914*. Ростов-н/Д: Феникс.
 Malashenko A., Yu.Nisnevich and A.Ryabov. (2017) «*Vertical Barbarism*»: *the New Wave*. URL: <https://doc-research.org/en/vertical-barbarism-new-wave/> (accessed 8.02.2018).
 Said E.W. (1978) *Orientalism*. New York: Pantheon.

ПОЛИТА

A.V.Malashenko, Yu.A.Nisnevich, A.V.Ryabov
MODERN BARBARISM:
REASONS AND CONSEQUENCES

Alexey V. Malashenko — Doctor of History; Full Professor; Chief Researcher at the Dialogue of Civilizations Research Institute (Berlin, Germany).
 Email: AMalashenko@doc-research.org.

Yuliy A. Nisnevich — Doctor of Political Science; Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences, National Research University *Higher School of Economics*. Email: jnisnevich@hse.ru.

Andrey V. Ryabov — Ph.D. in History; Leading Researcher at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Email: andreyr@imemo.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of “barbarism”, which is still relevant today for the public and political sphere. The authors focus on the so-called “vertical barbarism”. In contrast to the “horizontal barbarism”, which is known since the ancient times, “vertical barbarism” is not associated with the direct clash of peoples, but rather with complex social processes, primarily, powerful vertical mobility and vast expansion of the access of broad social strata to the achievements of civilization.

The authors believe that the birth of the “vertical barbarism” is associated with the phenomenon described as “the revolt of the masses” by Jose Ortega y Gasset, the Spanish philosopher. This is one of the most important

social and cultural shifts in the history of mankind, when the development of democracy and industrial technologies resulted in a new space for people's existence and brought to the forefront of public and political life the "man of the masses". "The revolt of the masses" in the first half of the 20th century entailed a wave of the "vertical barbarism" across Europe, which resulted in the establishment of fascist, Nazi and right-wing authoritarian regimes in several European countries. After the end of the World War II, the first wave of the "vertical barbarism" rolled back, and the consumer society started to develop, in which a "mass man" turned from an aggressive political subject into a relatively passive political object.

The authors interpret the recent political wakeup of a "mass man" as a new wave of the "vertical barbarism". In their opinion, this wave is caused by the fear and frustration of a "mass man" who failed to adapt to the vast expansion of the space for her life and the qualitative change in the social sphere engendered by the development of democracy and the technological revolution of the late 20th — early 21st century. The lack of proper attention from the political forces and structures to the ongoing shifts aggravates the situation, making a "mass man" feel "abandoned" by the power and the state, which encourages her to rebel against the established order and throw out a challenge to the modern civilization.

Keywords: barbarism, civilization, the revolt of the masses, vertical invasion of barbarians, mass man

References

- Alexeyev S. (2000) *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya* [Law at the Edge of the New Millennium]. Moscow: Statut. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya: Ego mify i struktury* [La société de consommation. Ses mythes, ses structures]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, Respublika. (In Russ.)
- Bauman Z. (2004) *Globalizatsiya: Posledstviya dlja cheloveka i obshchestva* [Globalization: The Human Consequences]. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Brzezinski Z. (2006) *Vybor: Mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo* [The Choice: Global Domination or Global Leadership]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russ.)
- Crouch C. (2010) *Postdemokratija* [Post-Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom NIU VShE. (In Russ.)
- Efremenko D.V., ed. (2010) *Kontseptsija "obshchestva znaniya" v sovremennoj sotsial'noj teorii* [Concept of "the Society of Knowledge" in the Contemporary Social Theory]. Moscow: INION RAN. URL: http://inion.ru/files/File/Conceptia_obshchestva_znaniya_2010.pdf (accessed 12.02.2018). (In Russ.)
- Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstija biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. Moscow: AST. (In Russ.)

- Held D., A.McGrew, D.Goldblatt, and J.Perraton. (2004) *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics, and Culture]. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Hobsbawm E. (1999) *Vek imperii: 1875—1914* [The Age of Empire: 1875—1914]. Rostov-on-Don: Fenix. (In Russ.)
- Huntington S. (2005) *Stolknovenie tsivilizatsij* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Il'chenko M.S. and V.S.Martyanov, eds. (2015) *Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki*. [Post-Fordism: Concepts, Institutions, Practices]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Levada Yu.A. and T.A.Notkina (1989) “Mera vsekh veshchey” [The Measure of All Things] // Vishnevsky A.G., ed. *V chelovecheskom izmernenii: Vyjti iz korolevstva krivykh zerkal* [The Human Dimension: To Leave the Kingdom of Distorted Mirrors]. Moscow. Progress: 11—24. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/levada89.htm> (accessed 8.02.2018). (In Russ.)
- Malashenko A., Yu.Nisnevich and A.Ryabov. (2017) “*Vertical Barbarism*”: *the New Wave*. URL: <https://doc-research.org/en/vertical-barbarism-new-wave/> (accessed 8.02.2018).
- Menning N. and N.Parison. (2003) *Reforma gosudarstvennogo upravlenija: mezhdunarodnyj opyt* [International Public Administration Reform: International Experience]. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Mises L. von. (2006) *Byurokratija* [Bureaucracy]. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. (2012) *Gosudarstvo XXI veka: tendentsii i problemy razvitiya* [The State in XXI Century: Tendencies and Problems of Development]. Moscow: KNORUS. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. (2018) “Vosstanie sovetских mass: politiko-antropologicheskij analiz” [The Revolt of the Soviet Masses: Political and Anthropological Analysis] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 2: 87—101. (In Russ.)
- Ortega y Gasset J. (2003) *Vosstanie mass* [La Rebelión de las masas]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Said E.W. (1978) *Orientalism*. New York: Pantheon.
- Toffler A. (2004) *Tret'ja volna* [The Third Wave]. Moscow: AST. (In Russ.)